

ЛИТЕРАТУРА ЖИЗНЬ МОЯ

Рубрика, которую «ЛГ» открыла в преддверии VII съезда писателей СССР, предполагает размышления известных мастеров слова о времени и о себе, о проблемах своей творческой работы в контексте современного литературного процесса, о том, как собственный художественный поиск и личные замыслы сопрягаются с сегодняшними задачами многонациональной советской литературы. В этой рубрике уже выступили Чингиз Айтматов, Михаил Алексеев, Мустай Карим, Сергей Михалков, Даниил Гранин, Нодар Думбадзе, Евгений Евтушенко, Виктор Астафьев, Юстин Марцинкявичюс.

Сегодня слово — Олеся ГОНЧАРУ и Егору ИСАЕВУ.

ЛИТЕРАТУРА для меня — это прежде всего наш общий писательский труд, это жизнь и моя, и моих товарищей. Иначе говоря, литература для тебя — это то, что навсегда. И сейчас, в преддверии всесоюзного писательского съезда, естественным представляется мне взглянуть на нашу литературу как на явление многонациональное, многоязычное и многообразное, в котором ни на день не утихает динамичный процесс взаимного сближения, влияния и обогащения. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что это едва ли не самое важное наше завоевание в области культуры, совершенно новое по своей природе. Мы все, писатели разных республик, живем, в сущности, одними интересами, в той или иной степени обогащая друг друга своим опытом. Самых благодарных слов признания заслуживает, на мой взгляд, крупнейшее на Украине издательство «Дніпро», выпустившее сначала библиотеку лучших произведений литератур народов СССР в 50 томах, а сейчас завершающее 60-томную серию под названием «Сокровищница братских литератур». Благодаря этому к украинскому читателю пришли, к тому же в отличных современных переводах, М. Шолохов и Л. Леонов, Г. Марков и Ю. Бондарев, М. Алексеев и Е. Исаев, Я. Брыль и И. Мележ, М. Танк и И. Шамкин, М. Ауэзов и Ч. Айтматов, Р. Гамзатов и А. Лупан,

Что можно на это сказать? Не могу себе представить, чтобы наш брат-писатель, если только он не потерял чувства реальности (а заодно и чувства юмора тоже), без тени смущения стал бы говорить о своем мастерстве, о том, как он «постиг», «овладел» и т. п. И что вот сегодня он уже вполне готов поделиться своими «секретами» с остальным пишущим человечеством... Конечно, тайна литературного чародейства в природе существует — в этом нас убеждает прежде всего пример классиков. Но если их мастерство можно «открыть», проанализировать, если им можно «овладеть» и нетрудно его «постигнуть», то почему, спрашивается, у нас нет во множестве Пушкиных и Гоголей, почему они так и остались каждый в единственном числе?

Чувство гармонии, чувство пропорций, зоркость поэтической интуиции, дар художественного синтеза — кто скажет, что все это можно почерпнуть лишь из наставлений, пусть и квалифицированных? То, что мы обычно понимаем под мастерством художника, видимо, является качеством уникальным, столь же уникальным, как и сам человек, и вряд ли его, это качество, можно размножить и передавать из рук в руки вроде волшебного ключика. Речь идет, очевидно, о чем-то глубоко интимном, порой и не совсем понятном, дарованном человеку природой. Если же мы хотим вести сугубо писательский, профессиональный разговор,

щим реалистическим принципам искусства. Образы из фольклорной демонологии, разного рода условности, те же «химичности», очевидно, оправдывают себя именно как художественный прием, да еще если они отвечают самому складу творческой индивидуальности, характеру, личности автора, без фальши передают его интонацию. Тогда мы получаем, например, сверкающую юмором и поэзией прозу В. Земляка. Интересно используют элементы художественной условности С. Пушкин из Ивано-Франковска, киевляне В. Яворивский и В. Дрозд, но тут, следует повторить, особенно важно, чтобы автору не изменило чувство меры, художественного вкуса, чувство естественности и правды.

Великолепным мастером новеллы, короткой повести был рано ушедший из жизни Григор Тютюнник, показавший, какие огромные возможности таит в себе современный, обновленный реализм. Успешно работает в традиционном ключе психологической прозы Ю. Мушкетик, строгим реалистом-психологом остается

Фото В. КРОХИНА

Олеся ГОНЧАР

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

мастера литературы Грузии, Армении, Азербайджана, писатели республик Прибалтики и Средней Азии, а вместе с ними пришли опыт национальных литератур, их своеобразие, пришли краски фольклора, нравы и традиции народа, его лирика и юмор, то есть приоткрылись новые духовные сокровища, порадовав украинского читателя художественной самобытностью созданного, свежестью восприятия мира.

Выходит немало работ о взаимосвязях наших литератур, но порой внимание привлекает лишь то, что лежит на поверхности: взаимные переводы, обменные недели и дни литературы... Исследовать всю сложность взаимосвязей, глубины явлений, их многообразие — вот чего хотелось бы... Не говоря уже о том, что много достойных произведений все еще остается непереведенными.

Вот, скажем, читатели одной из школ Кзыл-Орды прислали мне недавно вместе с письмом несколько книг, выпущенных в Алма-Ате на русском языке издательством «Жазушы», и среди них «Пресновские странички» Ивана Шухова. Я знал, конечно, об этом талантливом русском прозаике, но и для меня было на редкость приятной неожиданностью то, как искренне, по-человски душевно пишет он о моих земляках — переселенцах с Украины, чьих судьба угнала на восток в далекие предреволюционные годы. Русский впечатлительный мальчик заглянул на меня в самую душу, людей, переселившихся издалека, с восхищением открывая для себя красоту их песен, гуманность народных обычаев, музыку впервые услышанной речи. И с сожалением подумалось, что эти напоенные поэзией братства странички у нас на Украине еще не переведены...

Не мог оставить меня равнодушным и полученный от прозаика и литературоведа Леонида Большакова великолепно изданный в Челябинске, на Южном Урале, карманный томик произведений Тараса Шевченко на русском языке. Естественно, что это глубоко тронуло меня, как порадовало, скажем, и то, что у нас в Киеве недавно вышла книга того же Большакова о Шевченко, как на днях изволовали и прочитанные строки о братском народе Грузии из впервые опубликованного Леонида Павла Тычины. Такого рода скромные, на первый взгляд, факты из повседневной общественной литературы жизни весьма характерны для наших дней. Тем более обидно, что многое важное и существенное в этом плане еще порой проходит мимо нас, да и критика далеко не все достойное из братских литератур включает в поле своего зрения, и волей-неволей общая картина той или иной литературы иногда предстает для всеобщего читателя обедненной,

МНОГИЕ из нас нередко получают письма от начинающих литераторов с просьбой «научить» их, открыть свои «секреты» мастерства и т. д.

то он должен идти о знаниях постижимых, то есть скорее об индивидуальном человеческом опыте, приобретенном в процессе труда. И как всякий человеческий опыт, он может представлять определенный интерес также и для других. В этом, пожалуй, главный смысл творческих семинаров, конференций, где с молодежью делятся своим опытом седовласые мужи, познавшие и сладость, и горечь писательского труда.

В ЭТИ межсъездовские годы наряду с развитием взаимосвязей братских литератур происходит и дальнейший всеобщий процесс гуманизации советской литературы. Наш гуманизм, как известно, противостоит всем попыткам унижить человека, разрушить его неверием, враждой, насилием, террором. Самые сокровенные наши помыслы направлены на то, чтобы расцвела на планете жизнь истинно братская, без войн, без междоусобиц, разрушений и тревог, чтобы всепланетарно утвердило себя общество в полном смысле гуманное, равноправное, созданное для радости и счастья человека. Однако, думая о долге интернациональном, мы нисколько не приглушаем в себе чувства сыновней преданности родной земле, признательности воспитавшему тебя народу, для нас естественным является живое чувство гордости за героическую историю своего народа, его культуру, язык, ведь все это живые корни, из которых вырастает современная художественная культура.

Приливная волна в творчестве — она зрима, она ощущается явно. Исходя из реального состояния современной украинской прозы, да и не только ее, можно лишь удивленно порадоваться, как далеко ушла она, художественная проза, от черно-белых схем, скажем, 30-летней давности. Образ современника в произведениях последних лет стал значительно богаче, интереснее, глубже, человечнее, в нем куда больше жизненной правды! Мы вправе говорить ныне об углублении реализма советской литературы, о возрастании ее идейно-эстетической силы. Это, однако, не исключает того, что проза ищет обновления, поиски более действенных художественных приемов и форм ведутся активно. Некоторые наши критики, впрочем, склонны преувеличивать находки, например, придают слишком уж большое значение появлению у нас на Украине так называемой «химичной прозы», которая, видимо, является лишь ответвлением в русле реалистического письма.

Успех творческий приходит и писателям, которые остаются верными основополагаю-

Иван Чендей, своеобразием отмечена проза М. Малиновской, М. Винграновского, А. Колосниченко, Е. Гуцало, В. Положий... Заметим, что именно реализм, серьезная социальное-нравственная проблематика придают силу и нашей исторической романистике, которая в последнее время находится на подъеме, о чем свидетельствует читательский успех романа П. Загребельного «Роксолана», историческая проза львовяна Р. Иванчука и Р. Федорова, книга В. Канивца о юности Ленина, романы Р. Иванченко о Драгоманове и М. Олейника о Степняке-Кравчинском и, наконец, редкий по художественной силе роман в стихах Л. Костенко «Маруся Чурай», рассказывающий о бурных событиях XVII века, о героической и яркой женской судьбе.

Знаменательным, думаю, является сам факт, что нынешний читатель испытывает повышенный интерес к произведениям на историческую тему. Недавно я получил письмо от читателя с Северного Кавказа, нефтяника-буровика по профессии. Письмо его вызвано желанием больше подробностей узнать из истории Украины XVIII века. Трогательный интерес нефтяника к историческому прошлому своего народа — всего лишь один маленький штришок, а вот второй — и тоже касающийся нефтяников-буровиков, только уже других, из Прикарпатья. Об этих людях поистине новой формации, сложившейся в условиях НТР, я прочитал в днях в газете «Радянська Украина». Оказывает, на свою рабочую вахту, длящуюся 15 суток, они регулярно в течение нескольких лет летают в район Никитаваровска на Оби за 5 тысяч километров от дома! Где и когда было видано такое! Но так требует жизнь, таково веление времени, — и вот государство идет на то, чтобы переправлять их самолетами в лесотундру, потому что и столь огромные расходы, как выяснилось, оправдывают себя с лихвой. Охотно идя на такую динамичную — в духе века — жизнь, они, подобно мигрирующим птицам, каждый раз возвращаются, однако, к своему домашнему очагу, к своим родителям, отцам и дедов, и своей школе и клубу. Ясно же, что такие «летающие люди труда» и современный мир воспринимают по-иному, и книгу, как и все художественное творчество, по-иному вбирает их душа. Ясно же, что и мысли их о настоящем, как и о прошлом и будущем, несравненно богаче, представление о народе куда шире, нежели это было еще совсем недавно...

В ПИСЬМАХ, полученных после выхода в свет романа «Твоя зоря», на читательских конференциях меня не раз спрашивали о реальных прообразах Кирилла Заболотного и о завершающих главах о нем: так ли уж непременно нужно было заканчивать книгу гибелью главного героя?

Разумеется, трагический финал требует убедительной мотивировки, вызывается он художественной необходимостью. Да и так ли уж всегда обязательны «хеппи-энд», концовки «счастливые», искусственно облегченные? Главные ли для искусства быть утешителями? Существуют ли, очевидно, бу-дущее всегда существовать в ли-

тературе и искусстве жанры, рассчитанные на то, чтобы доставить человеку веселые минуты, заполнить его досуг. Но сейчас речь идет не о них. Речь о том, что «увлекательность», а то и развлекательность не могут быть главной целью творчества, большая литература возникает из иных побуждений. Классика учит нас: предназначение писателя в том, чтобы извлечь высший нравственный урок из жизни сегодняшней и минувшей, при-дать событиям, явлениям действительную гуманистическую силу, способную помочь совершенствовать человеческую личность. Не назидание, именно опыт нравственный нужен людям, чтобы помочь определить, как формируется структура души, к чему устремлена человеческая личность, особенно ныне, в эпоху НТР. И скорбь может быть в этом нравственном уроке, и восторг, и страсть гневная — все это призвано активизировать в читателе мысли и чувства. Не уводить его от острых проблем, не усыплять, а пробуждать жизненную активность, способность сопереживания, то гуманное чувство, которое принято называть состраданием, ведь ясно же, что человек, способный страдать, отнюдь не ущербный человек. Не зря говорят: «Сердце болит — значит, оно есть».

Естественно стремиться к тому, чтобы и самое серьезное произведение получалось увлекательным, иначе оно вряд ли будет дочитано до конца. Но увлекательным за счет чего? Глубина мысли, красота и сила чувства — вот что прежде всего должно увлекать, а вовсе не ухищрения интриги, внешней «экзотики». Думать нам следует о том, как полнее и правдивее выразить эпоху, время, внутренний мир души своего героя, то есть зачастую и своей души, как сделать художественный образ произведения поистине живым, полнокровным, во всем созвучным с жизнью современников, — вот куда должны быть направлены усилия художника. Остальное придет.

МНОГОМУ учит читательская почта, а сама жизнь, пожалуй, точнее всего расставляет акценты... Люди хотят видеть литературу учителем жизни. Заботиться о нравственном здоровье общества, о том, чтобы современные наши жили дружнее, стали добрее, чтобы были более чуткими друг к другу, находили высокий смысл в самом сриздании во имя всеобщего интернационального братства людей — не в этом ли одна из гуманистических задач литературы?

У меня большая почта — и депутатская, и писательская, часто и не отличишь одну от

другой, потому что и там, и там пишущий хочет, чтобы торжествовало добро, а не зло. И как бывает больно, когда сталкиваешься с фактами браконьерства в разных видах и формах, с бюрократической перестраховкой, бумажной волокитой, равнодушием, когда создаются проблемы искусственно, бундально из ничего, в то время как дело при желании можно решить, и довольно просто. Пишут иногда инвалиды войны, или мать фронтовика, или молодая супружеская пара, просят поддержки, а на твоё обращение — тоже отписка, в которой все формально вроде бы и мотивировано, а видишь за этим бездушно, опытного бюрократа, в совершенстве овладевшего техникой отфутболивания писем. Порой считается, что это мелочи. Но если речь идет о человеке, то мелочей быть не может, — об этом убедительно говорилось на XVII съезде партии. В связи с этим хочется подчеркнуть: литература причастна ко всему, что является жизнью, душе писателя занимает и ее вечные темы, и будничная повседневность, из которой нередко ведь тоже возникает вечное.

Время наше особое, оно больше, чем когда-либо, требует от художника мужества и страстности. Делом нынешней литературы, видимо, становятся не только исследование внутреннего мира человека, поддержание нравственных основ его жизни. Не менее важным в нынешнюю эпоху — эпоху исключительную по степени опасности для человека — является также забота об условиях самого человеческого существования, прежде всего забота о мире на планете, о среде обитания человека. Наша причастность к решению этих жизненно важных проблем будет, разумеется, специфической, в формах искусства, однако вряд ли кто станет сомневаться, что забота такого рода тоже является долгом художника, — может быть, даже первейшим его гуманистическим долгом,

Зались
Грегория КИПНИСА